

Дождь с силой обрушивался на ободья колес, глухо барабанил по дереву и разлетаясь мутными брызгами. Дорога к Ланьяну превратилась в сплошное месиво из грязи, в котором с трудом пробивались три телеги с зерном, накрытые плотным брезентом. Лошади тяжело дышали, из их ноздрей вырывались клубы пара, а копыта постоянно скользили по размокшей почве.

— Госпожа, ливень слишком силен, дальше ехать невозможно! — обернувшись, прокричал возница, дядя У. Дождевая вода стекала по глубоким морщинам на его лице.

Тонкая рука откинула полог телеги. Се Линъи слегка подалась вперед. Ее густые, словно водопад, черные волосы были небрежно уложены в простой пучок и закреплены шпилькой из сандалового дерева. Несколько прядей, намокших от дождя, прилипли к ее бледным, холодным щекам. Подол ее платья цвета лантяо пропитался влагой и тяжело волочился по грязи.

Вода стекала по ее ресницам, но она словно этого не замечала, устремив взгляд на серую, размытую дорогу впереди.

— Дядя У, генерал Лу и жители Ланьяна ждут наше зерно.

Ее голос, чистый и звонкий, прорезал шум дождя. Сделав короткую паузу, она указала на узкую, заросшую сорняками тропинку, уходящую в сторону.

— Свернем на ту тропу, через запад.

Не успела она договорить, как вдалеке раздался тяжелый, оглушительный гул.

Бум!

Крики, топот коней и лязг оружия смешались с раскатами грома. Даже с расстояния в несколько ли чувствовалось дыхание страшной битвы.

— Город пал... — голос дяди У дрожал. — Госпожа, ваше положение слишком высоко, идти дальше — значит подвергать себя смертельной опасности.

Се Линъи подняла руку и медленно стерла холодные капли с ресниц. В ее голосе зазвучала непреклонная решимость:

— Продолжаем движение.

— Госпожа!

— Продолжаем движение. — Тон ее оставался мягким, но каждое слово весило не меньше

золотого слитка.

Телеги снова, дюйм за дюймом, поползли по грязи, погружаясь в густую, пелену дождя, направляясь навстречу неизвестности, где переплетались зарево пожаров и крики умирающих.

Меньше чем через час сквозь дождевую завесу проступили очертания разрушенных стен Ланьяна. Истерзанные знамена безжизненно висели на зубцах стен. Городские ворота были распахнуты, а под ними, повсюду, лежали тела. Безжалостный дождь смывал кровь, превращая ее в бледно-красные ручьи, которые извилистыми путями впитывались в пропитанную смертью черную землю.

В самом сердце этой бойни около сотни тел в каком-то страшном, но строгом порядке плотно обступили одного человека. Тот был с ног до головы залит кровью, словно его вытащили из кровавого омута. Левая рука была отсечена под корень, пустой рукав, пропитанный кровью и дождем, безвольно прилип к телу. Другой рукой он намертво вцепился в длинное копье, древко которого глубоко ушло в грязь, удерживая его тело в вертикальном положении посреди этого моря трупов.

Генерал Лу!

Сердце Се Линъи сжалось. Она уже собралась спрыгнуть с телеги, как вдруг заметила на краю поля боя отряд из трехсот человек в блестящих доспехах. Во главе стоял военачальник лет тридцати в превосходном доспехе Мингуан. Он что-то громко говорил своим людям, но из-за шума дождя слов было не разобрать.

— Это знамена защитников Цинлина! — прошептал дядя У, полный недоумения. — Что они здесь делают?

Се Линъи не ответила. Ее пальцы, сжимавшие край одежды, побелели. Она закрыла глаза, а когда открыла их вновь, в них осталась лишь холодная ясность.

— Пойдем спросим — и узнаем.

Военачальник как раз собирался отдать приказ зачистить поле боя, как вдруг его взгляд замер. Сквозь пелену дождя медленно двигались три телеги с зерном.

— Кто идет?! — рявкнул личный страж командира.

Телеги остановились. Служанка Цин Юй молча накинула на плечи Се Линъи легкую белую накидку и раскрыла бумажный зонт.

Се Линъи, опираясь на холодный и скользкий борт телеги, уверенно ступила на землю. Смешанная с кровью грязь тут же залила ее расшитые туфли. Она грациозно поклонилась

военачальнику, держась с достоинством и невозмутимостью. Ее ясный голос перекрыл шум дождя:

— Прошу прощения, генерал. До нас дошли слухи, что в Ланьяне не хватает продовольствия, и моя бабушка приказала мне доставить зерно для генерала Лу.

Военачальник прищурился, оглядывая ее с ног до головы. Девушка перед ним была несомненно прекрасна, особенно ее глаза — влажные, словно черный нефрит, ясные и глубокие. Однако сейчас в них не было ни тени страха или замешательства, напротив, она открыто и спокойно выдержала его взгляд, отчего у него самого невольно сжалось сердце.

Дерзкая красавица и три телеги, полные зерна, в месте, где только что утих бой.

Го Цзюньюй облизнул пересохшие губы, и на его лице медленно расплылась улыбка:

— Я — Го Цзюньюй, сыма Чучжоу, охраняющий Цинлин. Ваша добродетель достойна восхищения, госпожа. От имени всех воинов благодарю вас. Битва только что закончилась, снаружи опасно. Почему бы вам не последовать за моим отрядом в лагерь, чтобы переждать непогоду? А на рассвете, когда дождь утихнет, я выделю надежных людей, чтобы они проводили вас обратно. Как вы на это смотрите?

Сказано это было вежливо и обходительно, но несколько крепких солдат за его спиной уже бесшумно окружили телеги, перекрывая пути к отступлению.

Уголки губ Се Линъи едва заметно дрогнули в ироничной усмешке:

— Благодарю за доброту, генерал, но дома меня ждет бабушка, я не могу медлить.

— Тебя никто не спрашивал! — нетерпеливо рявкнул один из приближенных Го Цзюньюя, здоровяк с грубым лицом. Он сделал широкий шаг вперед и потянулся к тонкому запястью Се Линъи.

Хлесть!

Раздался резкий щелчок кнута. Другая служанка, Лю Юнь, до этого стоявшая в стороне с опущенной головой, в мгновение ока взмахнула рукой, и черная тень кнута с пугающей точностью обвилась вокруг запястья воина.

— А-а-а! — взвыл тот, рухнув в грязь и подняв фонтан мутных брызг.

Вокруг мгновенно послышался лязг извлекаемых мечей. Холодный блеск стали отразил отблески догоравших пожаров, осветив спокойные, как озерная гладь, глаза Се Линъи.

Она тихо рассмеялась и, не страшась направленного на нее оружия, сделала маленький шаг вперед. Лезвие ближайшего меча коснулось края ее накидки.

Она подняла взгляд:

— Господин сима Го, вам мало воинской славы, так вы решили еще и зерно отобрать? Какая жадность!

Лицо Го Цзюньюя дернулось, в глазах вспыхнула ярость.

Се Линъи медленно подняла руку и кончиками пальцев отвела в сторону холодное острие меча, которое почти касалось ее шеи. Выпрямив тонкую, но прямую спину, она громко произнесла:

— Я — дочь Канцлера Су, внучка семейства Се из Тайкана. Мой отец — Се Цзин, министр обрядов, а мой дядя — Канцлер Су.

Она холодно усмехнулась, глядя на то, как лицо Го Цзюньюя мгновенно переменялось, и продолжила:

— Не подскажите ли, господин сима, что вы хотели бы сказать семействам Се и Су?

Го Цзюньюй несколько раз сменился в лице, мечась между огнем и ночной тьмой. В конце концов, он злобно зыркнул на своего подручного, валявшегося в грязи, и выдавил из себя подобие доброжелательной улыбки, сложив руки в приветственном жесте:

— Так это дочь министра Се! Прошу прощения, я не узнал вас. Надеюсь на ваше великодушие, госпожа Се!

Он обернулся и рывкнул на солдат:

— Чего стоите?! Немедленно помогите госпоже разгрузить телеги, приведите все в порядок, и чтобы без ошибок!

— Пойдите.

Глухой, хриплый голос донесся из глубины дождевой пелены. Все обернулись на звук. Из дождя, словно призраки, выступили десять человек в черных доспехах. Тот, кто шел впереди, носил на лице устрашающую бронзовую маску демона, из-под которой виднелись лишь глубокие, холодные, как омут, глаза. В руке он сжимал стандартный меч-хэн дао, с кончика которого непрерывно стекала вода.

— Булянжэнь по долгу службы, — человек вытащил медную табличку в форме скипетра. Голос из-под маски звучал холодно и безразлично. — Господин сыма Го, прошу вас оказать содействие в расследовании.

Лицо Го Цзюньюя стало пепельно-серым.

Булянжэнь!

Псы, подчиняющиеся лично императору, занимающиеся сыском и казнями. В их рядах полно странников и мастеров боевых искусств, они следят за чиновниками и докладывают обо всем государю. У них есть право казнить на месте любого, кто ниже четвертого ранга. Кто он такой, сыма пятого ранга, в их глазах?

Нельзя было допустить осложнений сейчас. Он натянул улыбку и поклонился:

— Слушаю и повинуюсь! Я только что прибыл с отрядом, как раз успел прогнать грабителей из Фусана. Обстановка военная, мне нужно немедленно доложить в область, чтобы выделить провизию и навести порядок. В Ланьяне наверняка выжили местные чиновники, разве не удобнее будет обратиться к ним?

Он с опаской взглянул в прорези маски.

— У меня... военные дела, могу я откланяться?

Человек в маске помолчал, окинул взглядом Го Цзюньюя, затем его бегающих глазами солдат, на мгновение задержался на Се Линьи и махнул рукой.

Го Цзюньюй, словно получив помилование, поклонился и поспешно увел своих людей.

— Господин, почему вы так легко отпустили его? — Се Линьи подошла к нему. — Его действия подозрительны, он появился в самый подходящий момент, разве это не странно?

— Госпожа Се тоже появилась в самый подходящий момент. Может, мне стоит подозревать и вас?

— Вы ведь старый знакомый генерала Лу, должны знать его почерк, верно?

Се Линьи достала из рукава записку, тщательно обернутую в промасленную бумагу, и протянула ее мужчине.

— Генерал Лу просил зерна у моей бабушки, посмотрите туда — наш обоз уже прибыл.

Она указала на смутные тени большого отряда на юге.

— Так что, если рассудить, подозрительнее всего выглядите вы, скрывающий свое лицо.

— Госпожа Се, я не чиновник императорского двора, и церемониться с вами, как те люди, не буду, — человек убрал руку с мечом за спину.

— О, правда? — взгляд Се Линъи скользнул по его поясу. — Облачный узор на вашем мече встречается только в арсеналах Северных рубежей, обычные мастера его подделать не могут. Булянжэнь подчиняются императору, вряд ли они пользуются приграничным оружием.

Она подняла глаза, и в ее невинном, насмешливом взгляде отразился свет, в котором ясно читалось, как сузились зрачки собеседника. Ее голос стал еще тише, нежнее любовного шепота, но каждое слово чудом пробилось сквозь шум дождя:

— Я права?

Господин Пэй.

<http://bllate.org/book/19397/1899328>